

В. П. БУДАРАГИН

О происхождении «Повести о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли»

Повесть о Василии Златовласом уже давно привлекает внимание исследователей древней русской литературы. Она традиционно включается в круг переводных авантюрных, рыцарских и куртуазных повестей второй половины XVII в. Еще в 1845 г. И. Снегирев впервые выдвинул гипотезу о чешском происхождении «Василия Златовласого».¹ Позднее И. А. Шляпкин, издавая в 1882 г. текст повести, высказал предположение о польском посредстве, но в равной степени возводил повесть к чешскому оригиналу.² С тех пор эта точка зрения является господствующей. Мы встречаем ее в работах А. Н. Веселовского,³ А. Н. Пыпина,⁴ А. С. Орлова,⁵ Н. К. Гудзия,⁶ В. П. Адриановой-Перетц,⁷ Г. Прохазковой⁸ и др., причем Н. К. Гудзий доказывал, что перевод был сделан непосредственно с чешского оригинала без польского посредства.

Противоположную точку зрения мы находим в работах А. Д. Григорьева,⁹ А. В. Флоровского¹⁰ и А. М. Панченко,¹¹ которые считают, что у нас нет достаточных оснований предполагать чешский или польский оригинал.

Особняком стоят мнения Н. А. Баклановой и Андре Вайяна. Н. А. Бакланова считает выражение «разбила на мелкие штуки» германизмом,¹² А. Вайян утверждает, что в повести есть хорватизмы (поклисари, сенаторский, ачпаг) и латинизмы (Полиместра, Карлус). Основываясь на

¹ И. Снегирев. О лубочных картинках русского народа. — Сборник исторических и статистических сведений о России, I. М., 1845, стр. 215.

² И. А. Шляпкин. Повесть о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли. — ПДП, СПб., 1882, стр. 1.

³ А. Н. Веселовский. Заметки по литературе и народной словесности, I. — СОРЯС, т. XXXII, 1883, № 7, стр. 80.

⁴ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II, Изд. 4. СПб., 1911, стр. 507.

⁵ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934, стр. 129.

⁶ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, М., 1956, стр. 444, 445.

⁷ История русской литературы, т. II, ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 390.

⁸ H. Procházková. Po stopách давнего přátelství. Kapitoly z českoruských literárních styků do konce XVII. století. Praha, 1959, стр. 102—103.

⁹ А. Д. Григорьев. Повесть о чешском королевиче Василии Златовласом и История об испанском королевиче Франце. — Варшавские университетские известия, кн. 4, Харьков, 1916, стр. 1—32.

¹⁰ A. Florovskij. Ein angeblicher Bohemismus in der Erzählung von Vasilij Zlatovlasuj. — Zeitschrift für slavische Philologie, X, 2. Leipzig, 1933, SS. 103—106.

¹¹ А. М. Панченко. Вопросы изучения чешско-русских литературных связей. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 644—645.

¹² ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 44 (вступительная статья в машинописном виде).

этих наблюдениях, А. Вайян полагает, что «Василий Златовласый» — рыцарская повесть, ославянизовавшаяся в Далмации (Хорватии), а затем, по-видимому, через сербское, болгарское или молдаво-валашское посредство попавшая в Россию, где подверглась переработке.¹³

Необходимо отметить, что все исследователи основывались лишь на публикации И. А. Шляпкиным списка ГПБ, собр. Погод. № 1603. Сравнение издания и рукописи демонстрирует малую пригодность публикации, которая не соответствует даже самым либеральным научным требованиям. И. А. Шляпкин сделал около трехсот ошибок. Среди них можно выделить поновления текста согласно требованиям тогдашней грамматики (ркп.: продаецца, итти, молотца; И. А. Шляпкин: продается, идти, молодца), неверные прочтения (ркп.: заигра в гусли, Мстислав, иной; И. А. Шляпкин: заиграв гусли, Мечислав, юный), необоснованные конъектуры, встречаются пропуски и очевидные искажения, нарушающие ткань повествования. В фольклорной формуле «не терт — не калач, не мят — не ремень», и т. д. И. А. Шляпкин убирает отрицание «не», нарушая и ритмику и синтаксический параллелизм. Вместо «короля» у него появляется «народ», вместо «венка» — «венец». Исследователи, таким образом, работали не с реальным, а со «шляпкинским» текстом повести. Кроме того, другие списки повести не привлекались — в лучшем случае оговаривалось их существование.¹⁴

Повесть о Василии Златовласом дошла до нас в следующих шести списках: ГПБ, собр. Погод. № 1603; ГИМ, собр. Барсова, № 2410; ГИМ, Музейное собр., № 1283; ИРЛИ, собр. Перетца, № 286; ГБЛ, собр. Тихонравова, № 324; БАН. 45.8.170.¹⁵

В рамках данной статьи мы не имеем возможности изложить подробный текстологический анализ списков повести. Однако надо отметить, что текстологическое исследование списков показывает существование двух редакций повести, причем только список ГПБ, собр. Погодина, № 1603, опубликованный И. А. Шляпкиным, относится ко второй редакции. К первой редакции, стоящей ближе к архетипу повести, относятся остальные пять списков. Из существования двух редакций текста памятника мы и будем исходить в наших дальнейших рассуждениях.

Переходим к проблеме происхождения повести о Василии Златовласом. Как во всякой проблеме, здесь есть негативная и позитивная стороны. Негативная — это анализ аргументов, которые на первый взгляд подтверждают концепцию западнославянского происхождения повести. Начнем с разбора фабулы. Тот факт, что художественное пространство произведения ограничено Чехией и Францией, вообще не имеет отношения к месту ее происхождения. В XVII—XVIII вв. действие некоторых несомненно оригинальных текстов русских авторов протекало вне пределов России (вспомним, например, «Повесть об Иване Пономаревиче» с ее нерусским героем и приключениями в реальных и вымышленных странах¹⁶).

¹³ A. Vaillant. L'histoire de Basile aux cheveux d'or, prince tchèque. — Приложения к книжечности, язык, историју и фолклор. Београд, 1959, књ. XXV, св. 3—4, стр. 237—240.

¹⁴ ИРЛИ, собр. ИМЛИ, № 44. Н. А. Бакланова подготовила к изданию текст повести по 4 спискам.

¹⁵ В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть. М.—Л., 1940. В библиографии указано 7 списков; местонахождение одного из них (Титов, 4105) сейчас не известно.

¹⁶ Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. А. Кушелевым-Безбодром под редакцией Н. Костомарова, вып. II. СПб., 1860, стр. 313—332.

Более того, как указывали уже некоторые исследователи, автор повести был плохо осведомлен о географическом и политическом положении Чехии. Хотя слова о «немецких режах» как будто говорят о том, что он осознавал вассальность Чехии по отношению к Священной Римской империи Габсбургов, однако фраза «чешские короли всегда бывают в поддании францужских королей» невозможна в устах чеха. Королевич Василий Златовласый отплывает из континентальной Праги во Францию на корабле. Сторонники чешского происхождения повести могут возразить, что аналогичная ситуация возникает в «Брунцвике», повести безусловно чешской. Но этот контраргумент отпадает, так как в последней отысканию корабля предшествует длительное сухопутное путешествие.

Другие доводы И. А. Шляпкина, Н. К. Гудзия, Т. Прохазковой касаются лингвистических моментов. Богемизмом считается слово «режи», которое возводят к чешскому «říše» («империя»). Однако в равной степени его можно считать полонизмом, тем более что калька с польского «czesza niemiecka» была известна в русской деловой письменности XVII в.¹⁷ На недоразумении основано и появление второго богемизма «подобный».

Переходим к гипотетическому польскому посредству. Эта мысль кажется логичной, поскольку путь через Польшу — это обычный путь проникновения в Россию западноевропейских произведений в XVII—начале XVIII в. Кроме того, в лексике повести есть слова, являющиеся полонизмами: «услугование» (польск. usługowanie), «червонные златые» (польск. szeregony złoty). Но их вряд ли можно считать «родимыми пятнами» иноязычного оригинала. В канун и эпоху преобразований среди московской интеллигенции знание польского языка было повсеместно распространенным и даже обязательным, а в русский язык вошло много польской лексики. В это время Москву прямо-таки наводнили выходцы с Украины и из Польши; много поляков и украинцев служило в Посольском приказе. Один из наиболее выразительных результатов этого процесса — «мова» Симеона Полоцкого, сочетавшая элементы церковнославянского, белорусского, украинского и польского языков и претендовавшая на роль официального литературного языка эпохи.

Не раз отмечалось, что «Повесть о Василии Златовласом» близка к жанру сказки (сюжет о разборчивой невесте), что в основе ее лежат мотивы, равно известные фольклору разных европейских народов. Поэтому вызывает недоумение следующее высказывание Юлиана Кжижановского в его книге о польской народной сказке: «Не исключено, что эта сказка («Разборчивая невеста» — В. Б.) была известна в Польше уже в XVI в., может быть даже, что из Польши на Русь перешла популярная повесть о „Василии Златовласом, королевиче Чешской земли“».¹⁸ Вопросы датировки фольклора вообще чрезвычайно сложны, тем более когда они решаются лишь на основании сходства мотивов. Заметим кстати, что сходство это в значительной степени кажущееся. Излагаем типичный сюжет о разборчивой невесте по тому же Ю. Кжижановскому: I, а) король приглашает королевичей искать руки его дочери, б) королевич влюбляется в королевну по портрету; II, а) королевна с презрением отказывает конкурентам, б) высмеивает их и наделяет унижительными прозвищами; III, а) королевна выходит за нищего, б) потому что отец решает выдать ее за первого встречного, или с) когда королевич, пере-

¹⁷ A. Florovskij. Ein angeblicher Bohemismus..., S. 105.

¹⁸ J. Krzyżanowski. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym, T. I. Wrocław, 1962, str. 272—273.

одетый нищим, добывается ее руки, разгадывая загадки, или д) проводит с нею ночь, обманом проникая в ее спальню; IV, а) король выгоняет дочь и зятя, б) королева живет в нужде, с) ей приходится работать, d) просить милостыню, или e) продавать горшки, f) содержать корчму, либо г) прислуживать на королевской кухне; V, а) на пиру королевича королева покоряется ему, б) королевич признается, что он ее муж и прощает ее разборчивость.¹⁹

Сходство отдельных мотивов не воссоздает структуру сказки, более того — эта структура полностью переработана. В нашей повести отсутствует пункт IV, являющийся определяющим для данного сказочного сюжета, очень приблизительно можно говорить о сходстве мотивов III и V, переставлены смысловые акценты. И здесь надо сказать, что «Повесть о французском сыне», которую постоянно называют позднейшей переработкой «Повести о Василии Златовласом»,²⁰ полностью соответствует приведенной выше структуре сказок о разборчивой невесте. Получается парадоксальная ситуация, когда произведения, действительно сопоставимые, сравниваются не между собой, а с третьим («Василием Златовласым»), с произведением, равно удаленным и от сказки о разборчивой невесте, и от «Повести о французском сыне».

Эти сопоставления показывают, что у нас нет достаточных оснований предполагать наличие польского источника. Кроме того, само построение сюжета «Василия Златовласого» говорит об оригинальности его автора, который, используя фольклорные мотивы, создал беллетристический памятник. К этому выводу приводит и сопоставление повести с былинной о Соловье Будимировиче.²¹ В былинной о Соловье Будимировиче есть общий с повестью мотив: царевна (в повести «королева») сама приходит к герою. Но если в повести это — логика развития сюжета, его кульминация, то в былинной этот — тоже кульминационный — момент ничем не подготовлен, никак не объяснен и существует как бы сам по себе. Здесь можно предположить существование какого-то эпического мотива, который использовал автор повести. Но в повести он (мотив) применен вполне конкретно. Королевич Василий говорит Полиестре: «То мне и честь, что государыня рабу служит». Этот эпизод и является «отмщением смеха», во имя чего приехал королевич во Францию. А отомстив за насмешку, возвращается в Чешскую землю. В некоторых текстах былинной Соловей Будимирович тоже уезжает, покидает Забаву, отклонив ее предложение стать его женой. Скорее всего, текст былинной сохранился только частично. О том, что в былинной осознавалась ее незаконченность, говорит осложнение сюжета появлением в ряде текстов нового героя Щапа. В этом случае былина получает сюжетное оформление — и окончательно расходится с повестью, не проясняя ничего в интересующем нас мотиве. Таким образом, отмечая известную близость былинной и повести, вряд ли можно говорить о непосредственном их взаимовлиянии.

Предположение Н. А. Баклановой, что «разбить на мелкие штуки» является калькой с немецкого «die Stück», не подтвердилось, так как слово «штука» в значении «часть, кусок» уже было в русской лексике XVII в. Так, в «Истории о Бохеме» (перевод с польского XVII в.) читаем: «А когда к нему принесли две штуки золота и говорили: „Мы то,

¹⁹ J. Krzyżanowski. Polska bajka... str. 272—273.

²⁰ С. Елеонский. История о французском сыне. Новая народная повесть XVIII в. — ЧОИДР, 1915, кн. III, отд. 3, стр. 14—23; М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963, стр. 141.

²¹ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв., стр. 134—136.

государь, нашли, прими до своей казны“, — сказал: „Коли вам то дали то лесные боги, умеете ж им отслужить, а к их хвале обратиться. Я от вас того не потребую“.²²

Что же касается наличия в тексте повести хорватизмов, то можно с уверенностью сказать, что все они были известны в русской лексике. Так, грецизм «поклисарии», как указал еще Б. А. Ларин, был известен на Руси по «Повести о Дракуле» с XV в.²³ «Сенаторский» и другие слова этого корня широко употреблялись в XVII в. как привычная уже транслитерация польского слова (ср. «на раде сенаторской и шляхетской» в той же «Истории вкратце о Бохеме»). В петровское же время слово «сенат» стало русской реалией. Слово «чпаг» встречается в русском языке с XIII в.²⁴ В издании текста повести следует, вероятно, читать не «из ачпага», а «иза чпага». Ошибка могла произойти в процессе многократного переписывания текста и в результате малой употребляемости слова, так как в словарях XVIII в. «чпаг» приводится уже среди слов «неудобь познаваемых».

Итак, мы видим, что точки зрения о западнославянском или южнославянском происхождении повести не подкреплены сколь-нибудь серьезными аргументами. Все эти аргументы равно недостаточны и для того, чтобы вообще говорить о переводном характере памятника.

Переходим к позитивной части. Обратимся к началу повести по списку II редакции (ГПБ, собр. Погодина, № 1603).

«Бысть в древния лета... король именем Мстислав...²⁵ и имея тот король сына именем Василия, еже есть сын его Василий зело доброделен и прекрасен зело, а власы у него, аки злато, сияют. И таковыя ради красоты его прозва отец его Златовласом, понеже у него власы, аки злато, сияют» (лл. 168—168об.). В списке ИРЛИ, собр. Перетца, № 286, начало повести не сохранилось. Но вот какое чтение дают три московских списка I редакции: «...имел у себя единого сына именем Волаомих, еже есть Василий, зело добродична...». (ГИМ, собр. Барсова, № 2410, л. 147). В списке ГИМ, Музейное собрание № 1283, имя героя читается «Валамих», а в списке ГБЛ, собр. Тихонравова, № 324 — «Валамем». В самом позднем списке I редакции (БАН, 45.8.170) сохранена та же структура, но имя приведено лишь в одном варианте, что объясняется повновениями и искажениями текста этого списка («имел у себя единого сына Василия, еже есть зело добродична...»). Т. е. становится очевидным, что в архетипе повести имя королевича звучало иначе и что во II редакции текст повести подвергся переработке.

Надо отметить, что наряду с известными по II редакции двумя вариантами имени чешского короля (Мстислав, Станислав) в списке ГБЛ, собр. Тихонравова, № 324 (I редакции) король назван первый раз именем «Апанимдов». И если предположить, что этот вариант имени ближе остальных к архетипу, то мы получаем следующую систему имен: Валаомих—Полимистра—Апанимдов—Карлус. Два из них явно греческого происхождения, что подтверждается, если мы попытаемся найти русскому варианту имен фонетические соответствия в греческом языке. Мы имеем три чтения имени королевича (Валаомих, Валамих, Валамем) и можем предположить следующие варианты:

²² А. М. Панченко. История вкратце о Бохеме. — ТОДРА, т. XXI, М.—Л., 1961, стр. 243.

²³ Русские повести XV—XVI в. М.—Л., 1958, стр. 421.

²⁴ Срезневский, Материалы, т. III, стр. 1554.

²⁵ И. А. Шляпкии в издании дает здесь ошибочное чтение «Мечислав».

1) имя восходит к страдательному причастию βαλόμενος (гл. βάλλω — «бросать», аор. ἐ βάλον), что в переводе значит «брошенный, поруганный, отвергнутый»;

2) имя восходит к глаголу βούλομαι — «хотеть, желать» с формами ὁ βουλόμενος — «всякий желающий, первый встречный»; и τό βουλόμενον — «желание, намерение, решение».

Интересно, что значения обоих вариантов имени не случайны и умозрительны, а соответствуют функции героя в повествовании, называют ее. В этом можно убедиться и на втором примере. Имя королевны «Полиместра» восходит к ἡ πολυμήστρη (от гл. μναομαι — «свататься») и имеет значение «многосватанная», к которой многие сватались или сватаются, объект сватовства. Здесь мы снова видим прием называния героев по их функциям, прием, широко использовавшийся в русской и мировой литературе.

Казалось бы, имя французского короля «Карлус» противоречит нашей гипотезе греческого происхождения имен. В самом деле, перед нами ярко выраженный латинизм. Однако не исключено, что в процессе переписывания имя претерпело какие-то изменения и в архетипе повести звучало иначе. В пользу этого говорит тот факт, что в списке БАН, 45.8.170 (I ред.) имя короля ни разу не встречается в форме «Карлус», а только «Корлус» или «Курлус»; т. е. «Карлус» скорее всего не является исконной формой, и не исключено, что это имя возникло из какого-то другого по аналогии с именем французского короля Карла Великого. Если, несмотря на всю гипотетичность наших рассуждений, попытаться найти греческие соответствия имеющимся вариантам имени французского короля, то мы опять-таки получаем определенную функциональную значимость грецизмов.

ὁ κάρος — глубокий сон;
 ὁ κύριος — имеющий силу, власть;
 ὁ κύριος — господин, глава семейства, царь.

Еще большие изменения претерпело имя чешского короля: Апанимдов—Мстислав—Станислав. Здесь практически невозможно восстановить изначальную форму, так как вряд ли «Апанимдов» является исконным вариантом. Приведем примеры ближайших возможных соответствий:

ἀπαρνάομαι — отрицать, отказывать;
 ἀπονέμω — воздавать;
 ἀπονήμενος — имеющий пользу, выгоду.

Если трактовка последних двух имен не выходит за рамки предположений, то имена главных героев бесспорно восходят к греческому языку, а их функциональная нагрузка свидетельствует о сознательности, преднамеренности их употребления в повести.

Только во II редакции объясняется, истолковывается «прозвище» героя: «...зело доброделен и прекрасен зело, а власы у него, аки злато, сияют. И таковыя ради его красоты прозва его отец Златовласом, понеже у него власы, аки злато, сияют». И хотя это толкование повторяется, хотя на нем акцентируется таким образом внимание читателя, но оно не звучит достаточно убедительно. У эпического героя или героини могут быть золотые волосы, но они всегда выполняют в повествовании какую-то определенную функцию.²⁶ Здесь такая важная примета героя (золотые

²⁶ Так в сказке «Иван, ядовинский сын и Гриша» королевна в похожей ситуации (герой занимается садовником) обращает внимание именно на золотые волосы героя. Е. А. Чудинский. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864, стр. 17—18.

волосы) абсолютно лишена какой-либо функциональной нагрузки. Остается предположить, что толкование это — формально и не соответствует семантике «прозвища» героя.

В XVII в. в России получил широкое распространение греческий термин-символ *ξανθός γένος*, который в переводе означал «светловолосый, рыжеволосый» (мог означать и «золотоволосый») народ». Этот термин греки употребляли по отношению к чужим могущественным варварским народам (причем «варварские» в значении народов негреческого происхождения, безотносительно уровня их развития), с которыми связывалось представление о всевозможных несчастьях, разрушениях, гибели. Но этот же термин по отношению к грекам имел прямо противоположное значение, т. е. народ красивый, благородный, умный и пр. Себя греки тоже называли *ξανθός γένος*. Не только целый народ, но и каждый отдельный человек мог быть *ξανθός γένος*.²⁷

В I редакции эта фраза выглядит следующим образом: «... и имел у себя единого сына... zelo добролична, и доброславна, и премудра. Таковые ради его красоты прозва его Златовласым» (ГИМ, Музейное собр., № 1283). Если во II редакции повести толкование «красоты» героя связывается с золотым сиянием его волос и, не получая никакой реализации в тексте, является результатом переработки, «редактирования» повести, то понимание «красоты» в текстах I редакции полностью соответствует тем представлениям, которые связывались с термином-символом *ξανθός γένος*, употребляемом по отношению к грекам («... zelo добролична, и доброславна, и премудра»). Если предположить, что «Златовласый» является переводом греческого *ξανθός γένος*, то становится понятна и функция «прозвища», так как все удивляются не золотым волосам, а именно красоте, разуму и благородству «раба гости Василя», именно эти его качества возбуждают любопытство королевы Полиместры; они же являются главными в характеристике героя.

В повести есть эпизод, когда королевич собирается ехать во Францию. Очевидно, именно с этого эпизода появилось в архетипе имя героя «Василий». Подтверждается это, в частности, тем, что королевич едет во Францию «неявным лицом», а так как он переодевает своих отроков и переодевается сам, то логично предположить, что изменив их имена, он изменяет и свое имя, становясь отныне Василием (в списке ГИМ, собр. Барсова, № 2410 читаем: «Василием себя же учини, рабом гостю, протчих же тридцать отроков — наемники»; но все списки дают разные чтения). Здесь уместно вспомнить, что другой герой, Петр Златых Ключей, отправляясь в чужие страны, тоже скрывает свое имя, так как «честному и славному рыцарю о имени своем сказываться рыцарский устав запрещает». Тогда становится понятен и смысл оборота «Валаомих, еже есть Василий». В данном случае перед нами не перевод имени на русский язык (ибо имя «Василий, восходящее к греческому *βασιλειος* — «царский», семантически не равнозначно имени «Валаомих»), а как бы пояснение, сноски: «... он же Василий».

Высказанное выше предположение о системе значимых греческих имен может на первый взгляд показаться необоснованным и неоправданным. Действительно, с лингвистической точки зрения можно только условно говорить о какой-либо системе, так как в трех случаях из четырех мы не имеем исходной формы имен и вынуждены апеллировать к догадкам. Однако все становится на свои места, если обратиться к художественным

²⁷ Приношу мою искреннюю благодарность И. Н. Лебдевой за эти ценные сведения.

особенностям повести. Исследование текстов позволяет сделать вывод, что автор «Василия Златовласого» наряду с внешней, событийной линией создал линию символическую, или скорее аллегорическую, которая проведена через всю повесть. Эту линию образуют: надпись на чаше; ответ королевны; по-видимому, мотив осыпания деньгами на золотом ковре; сны королевича.

Аллегория

Тебе, королевне, сию чашу вручаю на увеселение, а мне, королевичу, на утверждение.

(ИРЛИ, собр. Переца, № 286)

Не терт — не калачь, не мят — не ремень, не тот де сапог не на ту ногу обут, садится лычко к ремешку лицем...

(ГИМ, Музейное собр., № 1283)

Смысл аллегории

Красива, государыня, прекрасная Полимистра, сию чашу прими и поди за меня, за королевича Василья Златовласова.

(ГПБ, собр. Погодина, № 1603)

... понимает ли де смердсей сын королевскую дочь; никогда того не бывает, еже смердсей сын королевскую дочь понимает.

(ГИМ, Музейное собр., № 1283)

Брачной символикой являются сны королевича, по крайней мере, так понимает их король Карлус. Но смысл аллегории, разгадку он найдет в послании королевича уже после его отъезда. «Осыпание на золотом ковре золотом» подразумевает или брачный обряд венчания, или венчание на царство. В связи с этой иносказательной линией особый смысл приобретает система значимых имен персонажей, рассмотренная нами выше.

Был ли это перевод с греческого? Пока решить невозможно. Мало исследована грекоязычная литература XVII в., хотя известно, что переводы с греческого в это время на Руси выполняются, причем среди них — не только религиозная легенда (например, сборник Агапия Критянина «Грешных спасение»), но и промежуточные с приключенческими элементами формы («Повесть о царе Аггее»). Но как бы ни был впоследствии решен этот вопрос, нам кажется, можно обойтись и без гипотезы о греческом оригинале. Автор повести — обрусевший грек или русский книжник, знавший греческий язык. Во всяком случае, система значимых греческих имен снимает вопрос об оригинале западнославянском и западноевропейском вообще. Латинизмы в этой функции для Европы были бы понятны, грецизмы — исключены.